

Его плеск всегда был рядом. Даже когда приходилось спасаться в сутолоке работы, в выцветших буднях, мозаике старых и новых знакомств. Ч. уже почти свыкся с его присутствием, знал: дома оно непременно ждет его.

Из-за этой особенности интерьера он не приглашал к себе друзей. Однозначно, не все приняли бы правду. Мировоззрения пришедших в гости пошатнулись бы, а этого люди не прощают, оттого и верят в свои обманы.

Ч. и сам пережил нечто вроде личностного апокалипсиса: страх за рассудок, неверие в рациональность мира, почти отчаяние. Наконе, ему пришлось смириться: дома обитает море.

Он ясно помнит день, когда впервые его обнаружил. Ч. вернулся к себе под утро, навеселе. Несколько минут сражался с ключом и замочной скважиной. Облегчил мочевого пузыря. Не зажигая электричества в спальне, засеменял к дивану. Плюхнулся в воду.

Перепугался. Включил свет. Не поверил. Выключил. Снова включил.

Вместо пола под ногами плескалось миниатюрное море. У порога мелководное, дальше – глубже. Оно разбивалось прибоем о плинтуса. Ворочалось. Пенилось. Уменьшенная копия настоящего. Распластавшееся пятно синевы.

Из-за непрошенного гостя в комнате не осталось ни одной из вещей Ч.: мебель, техника, горшки с тропическими растениями – все потонуло в пучине.

Набравшись сил, он решил: нужно проспать. Не помогло.

Наутро море плескалось, как прежде. Тогда Ч. записался к психотерапевту. На приеме, правда, не решился рассказать о причине визита. Пришлось выдумывать про банальный конфликт Ид и Супер-Эго. Психотерапевт посоветовал простить родителей, принять несовершенство мира и чаще заниматься сексом. Это и не думало помогать.

Море по-прежнему жило в спальне Ч. Меняло оттенки, с лазури на аметистовый. Иногда штормило.

Ч. решил проверить его глубину. Использовал для этого старую швабру. Когда она погрузилась в воду (дно высокомерно появляться не желало), Ч. выпустил ее из рук. Швабра сгинула в глубине.

Море – безбрежно.

Море – необъяснимо.

Ч. купил с десятков мешков песка, притащил в квартиру, чтобы засыпать гостя. Не помогло. Нахальный квартирант сжевал песок, разразился штормом, забрызгал дорогие обои, но униматься не думал.

Ч. относил его воду на химическую экспертизу: в лаборатории дали заключение, что это всего лишь соленая вода. Тогда он понял: бороться бесполезно. Остается никому – не дай Бог! – не рассказывать, что происходит в спальне и жить, как и прежде.

Ч. купил новый диван, переоборудовал под спальню гостиную. Перестал приглашать к себе знакомых. Так его история и началась. Город штриховало осенним дождем.

Вырос Ч. в забытом всеми богами мира населенном пункте, наколотом на карту Севера между плоскогорий и снежных пустырей Страны. Сюда почти никто не приезжал. И еще реже отсюда уезжали.

Вызванный к жизни в начале прошлого века руками заключенных, этот не то городок, не то поселок служил Заводу. Завод, вечно испражнявшийся в небо отравленным дымом, набивал брюхо человечиною, переваривал, отрыгивал рудой. Руду грузили и отсылали подальше от бессолнечной зимы и неудавшихся биографий.

В одно вьюжное утро семилетний Ч. разом лишился родителей. Их проглотило брюхо Завода. Оставшись сиротой, мальчик отправился в скитания по родственникам. Родственники компенсировали собственную несостоятельность литрами водки и килограммами мата. Ч. видел, как тетка с ее мужем поливает свекра кипятком. Как седьмая вода ни киселе его матери пытался прирезать супругу. Самого Ч., когда ему случалось заплакать, приводили в себя,

окуная головой в таз с ледяной водой. Мальчишка едва не захлебывался. Утирал слезы. Смирялся.

В холоде городка недуги валились на него один за другим, болячки сменялись болячками. Лица все новых врачей лепились в сплошной ком, больницы оставались в памяти нагромождением белого.

Спасаясь от этой жестокой пародии на детство, Ч. забивался в темноту своей комнатенки и искал спасения в книгах, взятых тайком в библиотеке. Они заменяли жизнь. Обезболивали. Там, на их страницах, жили другие люди, непохожие ни на кого из тех, кто его окружал. И ему хотелось однажды стать одним из книжных героев.

В школе у Ч. получалось ровно то, что не получалось у других. И наоборот, он не мог преуспеть в элементарном для любого из одноклассников. В два счета он решал сложные задачки (они не казались трудными), а его за это тихо ненавидели. Ч. не понимал причин. И продолжать терпеть свое детство.

Мир всегда молчал. Ч. любил его за скупую и эфемерную красоту, проступавшую иногда даже в дыме, поднимавшемся над заснеженной крышей. Испытывал необъяснимую нежность к жизни, но никогда не чувствовал подобного в ответ. Только упреки, издевки, унижения. Его существованию сопутствовала печаль ребенка, всеми оставленного посреди туманного города, наивно влюбленного в эти туманы и не любимого ими.

Не по годам смывленный, он нашел в себе силы бежать из заснеженной тюрьмы, как только ему стукнуло шестнадцать. Оставил в той, завершившейся, жизни небо из выхлопов труб и испарений шлака. Не взял с собой ничего, кроме чемоданчика с одеждой. Впереди его ждал Город – большой, стрекочущий миллионами человеческих судеб и совершенно равнодушный к его существованию.

Свой первый день в Городе Ч. запомнил навсегда. Такой банальный поступок: катер, река и туристы, множащие себя на селфи, разносящие участок пространства в самые далекие уголки планеты посредством фейсбуков и инстаграммов. Затесавшийся среди них, парень пережил незнакомый прежде прилив радости.

Дураком Ч. не был, поэтому быстренько сообразил: моря не появляются дома у кого попало. Выходит, кто-то неведомый нечто неясное пытался ему сообщить, когда забросил в спальню на одиннадцатом этаже новостройки это небольшое сомнение в разумности мироздания. Там, внизу, на улицах Города продолжали мелькать прохожие, даже не догадываясь, что творится над их головами.

Ч. серьезно отнесся к пришельцу. Принять существование домашнего океанца значило усомниться во всем, что пытались выдать за правду о мире. Если водоем мог ни с того ни с сего заменить собой пол одной из комнат квартиры, верить нельзя было никому. Ч. начал подозревать окружающих в тотальной лжи. Ведь даже если бы подобные океанцы и стали появляться в каждом из четырех домов из десяти, обитатели этих четырех скрывали бы их наличие и делали вид, что у них самые тривиальные жилища, что это невозможно и в целом – некий вывих в устройстве вселенной. Кто мог дать гарантию, что такое никогда и ни с кем не происходило? Что всеобщее молчание не было следствием страха социальной изоляции?

Ч. принялся искать объяснения в книгах. Квантовую механику чередовал со всеми религиями сразу, а их сваливал в кучу с учениями старых и новых мистиков. Но ничто не давало ответа. Он почувствовал себя подопытным, над которым для неясных целей проводили эксперимент.

Самое странное, море притягивало Ч., звало к себе. Все чаще, окруженный людьми, он понимал, что ему нужно проверить, на месте ли его квартирант, не затопил ли остальные комнаты. Оказавшись дома, он уже не хотел возвращаться к шуму общества. Здесь, на берегу (то есть на пороге его бывшей спальни), он, востребованный фотограф, ощущал себя прежним – только приехавшим в Город шестнадцатилетним юношей, с множеством иллюзий и без гроша в кармане. Сейчас у него водилось множество знакомых с достаточным количеством денег, чтобы от скуки приехать в модный бутик, скупить всю одежду, обувь, часы, бижутерию, а затем остаться дома один на один с приобретенным, не зная, что делать с циклопической грудой и не испытав ни капли удовлетворения.

Море шептало о забытом, смутно намекало на только ему одному известные правды. Со временем Ч. начало нравиться его ворчание, едва уловимый запах йода в квартире, обставленной согласно советам модных дизайнеров. Ему удалось убедить себя, что персональное побережье в квартире – это не так уж и плохо. Даже наоборот.

Ч. никогда не позволял себе плавать в домашнем океанце: он почти уважал его, словно существо, обладающее разумом. Искупаться значило бы оскорбить постояльца. Иногда фотограф зажигал в спальне свет, включал музыку и часами наблюдал за жизнью этого странного, не помещающегося ни в какие рамки логики водоема. Он даже купил для него декоративных рыб. Море приняло их и было, кажется, благодарным. Не штормило неделю.

В первые месяцы после приезда Ч. в Город тот складывался в его сознании из двух противоположных образов. Первый – идеализированный, каждое мгновение обещающий сотни возможностей. Второй – холодный, расчетливый и жестокий, в котором Ч. чувствовал себя пустым местом.

Ему пришлось пережить крушение самооценки. Каждый встречный, похоже, считал своим долгом сообщить Ч., что он никогда и никем в жизни не станет. В отношениях с окружающими рано или поздно наступал момент, когда он рассказывал, откуда приехал. В ту же минуту что-то трещало. Едва незаметно, но к нему начинали относиться иначе. Тогда Ч. научился лгать и не доверять людям.

В своих витринах Город выставлял на показ осколки иного мира, более светлого, гармоничного. Темноту перетягивал золотом. Ч. долго блуждал по магазинам, ничего не покупал, наблюдал за происходящим. Учтивые продавцы, подсвеченные товары, и Завод с детством становились бессильны. Казалось, достаточно было всего-то купить рубашку, надеть на себя, и у Ч. получится влезть в новую кожу, даже больше – в новую жизнь. Вот в эту, магазинную, опрятную.

Ч. нанимался на любые работы, довольствовался самым дешевым жильем, делил крышу с мигрантами из Азии, анде-

граундными художниками, сутенерами и всеми, кого Город настойчиво пытался выплюнуть из себя. Опустошенный, Ч. снова и снова бросался в сражение с ним и делал хоть полшага, но вперед.

Он вставал спозаранку, чтобы успеть на пробежку: закаливал подточенное хилым детством здоровье. Нарбатывал навыки общения, пытаюсь понять, что с людьми можно себе позволить, а что нет. Начал ходить к психотерапевту, чтобы починить себя изнутри. Было трудно, но Ч. преодолевал в себе мальчишку, которым когда-то был. Ему было жаль этого ребенка, но желание отпустить его навсегда оказалось сильнее.

Прошел год-другой, и Ч. начал более-менее сносно одеваться. Его тело окрепло от физических нагрузок. В какой-то момент он пересек черту, за которой существовать во внешнем мире стало приятнее, чем во внутреннем. Это ощущение было новым, незнакомым и... невероятно приятным.

Оставляя позади работу за работой, откладывая и без того скромные доходы, Ч. дождался момента, когда смог позволить себе долгожданный фотоаппарат. Поломав голову, парень разобрался в основах экспозиции и выдержки. Фотографировал Ч. маниакально. Больше крупными планами. Выхватывал из реальности те ее детали, которое оставались в повседневности незамеченными. Снимал отражения случайных прохожих в витринах. Это давало разрядку. К тому же где-то внутри жила мечта о грядущих выставках, признании, громком имени.

Пришлось подождать еще немного, и Ч. сумел продать несколько работ в интернет-журнал. Это помогло ему устроиться в фотомастерскую. Теперь день за днем он обрабатывал снимки для документов и распечатывая в четырехугольниках события чужих радостей. Кое-как, благодаря помощи друзей, ему удалось открыть персональную фотовыставку в независимом арт-пространстве. Посещали ее слабо. Иногда сюда забредали скупающие парочки. Подолгу у фотографий не задерживались. Одним словом, приняли ее прохладно. Ч. казалось, ему стоит приложить чуть-чуть наглости и много таланта (а в нем он был уверен), и успех одарит его. Но это только казалось.

Прошел месяц, и внутри Ч. вызрело незнакомое ранее чувство. Оно набухало в нем, словно почка ядовитого растения, чтобы, распутившись, напитать отравой ткани и жидкости организма.

Он и сам не заметил, как начал думать о море в спальне, как о некоей постыдной правде о себе. Почему постыдной, спрашивал Ч. себя, и не мог отыскать ответа. Его океанец не был ни хорошим, ни плохим. Он попросту плескался, пенился, штормил, баюкал. Вносил в черный цвет Города оттенки индиго и аметиста. Но своим присутствием в жизни фотографа море выделяло его из миллионов жителей планеты. Ч. столько времени потратил, чтобы изжить детство и втиснуть себя в рамки социальной нормы. Путем непрерывных подгонок и переплавок личности. Наконец, ему это удалось. И вот теперь столько трудов загублено. Ч. снова таил в себе нечто, что мир не желал понимать и принимать.

Осознав это, Ч. понял, как хрупок мир, который он завоевал, что новая его тайна может в два счета обрушить непрочное возведенное сооружение настоящего.

Никогда.

Никогда и никто.

Никогда и никто не должен узнать, что творится за бронированной дверью его квартиры.

Ч. не раз просыпался от повторяющегося кошмара, в котором он был никаким не Ч., а самым настоящим Йозефом К. К нему вламывались неизвестные, предъявляли обвинения в нелегальном содержании моря, зачитывали приговор и после череды затянувшихся заседаний расстреливали. Пули входили в его плоть укусами громадных пчел. Все затягивалось скоплением белого. И тогда-то Ч. просыпался.

Обдумывая ночные видения, он приходил к выводу, что в реальности все случится не так радикально, но суть останется той же. С морем он снова стоял по ту сторону. Оно выглядело сомнением в устоях мироздания. И за это Ч. обязательно устранят.

Жизнь, если вдуматься, можно изобразить при помощи фильма, в котором чередуются два сюжета. Первый – шум-

ная вечеринка, где каждый изображает радость и верит в непогрешимую правильность происходящего. Но кадры карнавала перекрываются эпизодами жизни того, кто по каким-то причинам в него не вписался, кто одним своим существованием бросил вызов адекватности его норм. Контрастом с кадрами вечеринки – путь изгиба. Ее участникам этого одиночку не только не жаль, подсознательно они желают, чтобы его существование скорее закончилось: тогда-то ничто не будет омрачать их веселья, не намекнет, что все вокруг, быть может, в корне порочно. Во имя иллюзий маскарада распинают – и эта единственная правда, которую мы можем постигнуть.

Ч. упрямо сражался за обретенное место статиста в обществе, к которому долго шел. Жил под страхом разоблачения. Обдумывал каждое произнесенное слово, чтобы ненароком не сболтнуть лишнего. Никого никогда не принимал у себя и за это прослыл в глазах приятелей зажавшимся эгоистом. Перечеркнуть обретенную жизнь и оказаться один на один с собственным морем он, пожалуй, не смог бы.

Д. была одной из его клиенток. Заказала фотосессию в макабрическом стиле.

К этому времени Ч., пережив уколы неудач, решил временно заморозить свои амбиции в фотоискусстве. Зачатками стиля и оригинальным взглядом он обладал однозначно. Оставалось только приспособить эти навыки к коммерческой фотосъемке. Справившись с этой задачей, Ч. преуспел. Рекомендация за рекомендацией создали ему имя.

Д. изменила его жизнь еще круче. Капризное дитя, она привыкла от рождения получать все, что хотела. Так получилось, что в список ее желаний вошел и Ч. Симпатичный фотограф, которого она была обязана включить в список побед. Порядком намучившись с ней поначалу, Ч. подумал, почему бы не попытаться. Скоро они стали жить вместе в квартире, купленной ее отцом, владельцем сети фитнес-клубов.

Д. окончательно открыла для Ч. дорогу в мир больших денег. Он сумел довести себя до совершенства. Разъезжал

по Городу на тонированной хёндэ. Удовлетворенные желания покупать, достигать доставляли почти извращенное наслаждение. Приобретенное будило еще более неистовую жажду. Обделенный прежде во всем, Ч. пытался ни в чем себе не отказывать. Но никогда не насыщался.

Он пробовал оправдать свое новое, сытое существование тем, что организовал очередную выставку. Теперь у него водились деньги на самые престижные экспозиционные залы, промо-акции и раскрутку в СМИ. Все это почти помогло. Однако, словно в насмешку над ним, его творческий запал начал стремиться к нулю. С каждым разом очередную арт-фотографию приходилось выжимать из себя будто силой. Идеи мелели. Зато бизнес приносил большую прибыль. Ч. иногда еще спрашивал себя, не обречено ли сегодня искусство раствориться в коммерции, как личность обречена исчезнуть в маркетинге? Предал ли он в себе художника или никогда им не был?

Шло время победившего материализма. Люди тратили данные им раз в вечность жизни на то, чтобы подняться. Жить здесь и сейчас. Тратить больше. Зарабатывать больше. Об остальном можно было не думать. Длющаяся эпоха была всего лишь впечатляющим масштабами сбытом превосходства. Каждый пытался угнаться за другим и доказать этому другому, что он и только он на самом деле лучше. А так как легче всего было достигать в материальном, этот мир в итоге и победил.

Под давлением Д. Ч. сменил специализацию на food-фотографию. Амбиции о карьере в искусстве он более и не тешил. Внутри, правда, что-то саднило, но Ч. засыпал раны, оставшиеся после рассеявшихся химер, купюрами. И шрамы на время переставали болеть.

С Д. они тихо разошлись, когда ее новым капризом оказался красавец-футболист. Без ссор и скандалов, они отпустили друг друга, словно расторгнув сделку. Оба остались от окончившихся отношений исключительно выигравшими.

Спустя год Ч. уже вовсю промышлял food-фотографией. Очень скоро взял в кредит двухкомнатную квартиру в

богатом районе Города. Теперь, думал Ч., настоящая жизнь только начнется. Но вместо этого через полгода после приобретения квартиры там завелось море.

Личностный кризис, необъяснимая тяга к водоему, стыд за его присутствие в жизни сменились длительным и более стабильным периодом в жизни Ч., но вернуться к себе прежнему он уже не мог. Ч. пытался вести двойную жизнь. На виду продолжал поддерживать имидж успешного фотографа, и только наедине с домашним прибором ему удавалось хоть ненадолго стать свободным. За прошедшие годы Ч. научился искусно лгать: знал, что не стоит рассказывать правду о прошлом, что наличие интеллекта лучше скрывать (большинство это оскорбляет). Мир жил по правилам казаться, а не быть. И Ч. принял его правила как должное.

Вдали от чужих глаз он не тратил времени попусту. Начал изучать философию. Окружил себя лучшими умами, существовавшими в веках. Собрал библиотеку, в которую входило около двух тысяч книг. Как и в детстве, снова проводил за чтением часы. Разбил рядом с кухней небольшой сад. Купил бутафорский фонтанчик, канареек в клетке. В своей квартире он пытался создать небольшой островок цивилизации, в котором можно было укрыться от сумрака Города.

Возвращаясь к людям, он втискивал себя в заданный временем и местом стандарт. Постоянно и во всем себя сжимал, оставляя целые пласты собственной личности без реализации и развития. Но все чаще его тяготило навязчивое желание поскорее отыграть спектакль и спрятаться на берегу спальни, смыть грим соленой водой. Ч. все больше склонялся к морю, но его приливов и отливов невозможно было выдержать слишком долго. Портилось настроение. Усиливалось ощущение обособленности, чужеродности в мире. И, словно повинуюсь раскачивающемуся маятнику, Ч. бросался из крайности в крайность. От моря – в общество. И наоборот.

Время наедине с океанцем меняло Ч. Вынужденный вновь укрываться от внешнего в себя, он развивал мир

внутренний. Часы, проведенные за чтением, высвечивали несовершенства системы: она шла трещинами, из образовавшихся пропастей вылезали гигантские крысы, сгрызали на глазах глянцевоый фотоснимок реальности.

Если систему по каким-то причинам изменить невозможно, приходится искать способы, как ее обмануть. Поэтому чем она нелепее, тем больше травмирует человеческую природу: либо ломает людей, и они, разбитые, оказываются в маргиналах, либо превращает в парад костюмов всех, кто к ней приспособливается.

Обдумывая ее несовершенства, Ч. подумал об изменении образа жизни. Поступил в университет. Высшее образование получить стоило. Свое новое несоответствие норме, свидетельство иррациональности мира в спальне он по-прежнему скрывал. Но с один на один с морем был счастлив.

Раз в месяц Ч. выбирался из Города, чтобы посетить новую точку на карте. Открывать жизнь мегаполисов и тихих предместий, народов с иным образом мысли, другой кожей и разрезом глаз научило Ч. важности впечатлений перед вещами. Он открывал для себя радости тихой, незаметной жизни: высекал улыбку из выпитого бокала вина, прогулки по уснувшему Городу. Годы научили Ч.: есть общение формальное, а есть дружеское, причем первое безопаснее второго. Формальным в большинстве случаев коммуникативные потребности удовлетворять и нужно. Не ждать большего. Наконец, он решил заняться коллекционированием. Останавливал выбор, в основном, на современном искусстве. Все мечтал заполучить что-нибудь из Герхарда Рихтера, а в качестве гордости коллекции обзавелся работами Дэвида Хокни.

Казалось, теперь, сменив прежний образ жизни на противоположный, Ч. должен был почувствовать себя счастливым. Иногда, наедине с собой, ему это удавалось. Запечатлеть в себе суть жизни – жестокой, прекрасной. Она была сродни витиеватой ткани «Вариаций Гольдберга», но ее красоту можно было уловить изредка и всегда в одиночестве – когда Город темнел в остывающем вечере, превращался в вырезанный из картона, а ноготь месяца от ожога вечерней звезды отделял след пролетевшего самолета.

Однако подобные прорывы к подлинности случались редко. И внутри нечто по-прежнему грызло, намекало, что чего-то не хватает. И к людям тянуло неистово. Привыкший действовать, ощущавший в себе неизрасходованную витальную энергию, Ч. томился. Внутри ворочалось неутраченное желание жить, здесь и сейчас, впитывать существование по крупницам.

Ч. получил высшее. Иногда баловал себя меценатством, свел общение с коллекционерами и художниками. Но мир искусства по-прежнему не принимал его, смотрел, как на чужака. Намаявшись, Ч. решился открыть фотостудию.

Море на одиннадцатом этаже шумело. Звало десятками голосов. Которые звучали тише. С каждой новой весной. Сначала на полтона. Затем на тон.

Жалкие полсантиметра. Ничего ровным счетом не значащие. Полсантиметра, в которые вместится разве что наименьшая из монет или не самое крупное из царства насекомых страшилище. Но этому смехотворному по размерам пространству во второй раз удалось поколебать жизнь Ч.

То, что соленый водоем возникл без причин в его спальне, теперь не воспринималось самым невозможным. Гораздо неправдоподобнее было то, что он ни с того ни с сего начал уменьшаться. Также не спрашивая разрешения, как и не думал предупреждать о визите. Ч. около часа просидел в кухне, выбивая клин сердцебиения клином кофе. Успокаивал себя мыслью, что море отвоюет себе территорию снова.

Он обеспокоился сильнее, когда через неделю пол обнажился на сантиметр. А через несколько дней – еще на один. Ч. пытался подпитать жизнь домашнего водоема парой-тройкой ведер воды. Но, как и мешки с песком когда-то давно, ведра не помогли.

Ч. вновь пережил тревогу, возросшую под конец до отчаяния. Купил садовый шланг, и каждый вечер по часу пытался продлить жизнь своему квартиранту. Даже слетал на ближайшее побережье, чтобы привезти в канистрах настоящей морской воды. Ничего не помогало. Океанец продолжал мелеть.

Утро за утром Ч. открывал дверь в спальню. И каждый раз его сердце вновь чуть останавливалось. Море умирало. Совсем скоро оно занимало уже половину бывшего пространства, отдав спальне Ч. ее прежний интерьер. Без объяснений в комнате снова появлялась мебель, которую Ч. и не надеялся увидеть.

К началу лета на пол вокруг лужицы бывшего моря – теперь скорее озера – выбросило отпрысков купленных некогда для него рыб. Когда Ч. вошел в комнату, некоторые из них еще бессмысленно пытались вобрать в себя кислород, другие прекратили борьбу.

Ч. осознал: это конец. Почти заплакал. Но вслед за приступом страха почувствовал облегчение. словно вместе с рыбами умерли и страхи, жившие с Ч. все эти годы, делавшие его иным и заставлявшие искать в вечной неудовлетворенности жизни новые краски. То, что мучило Ч. ночными кошмарами, рассасывалось синяком. Он предчувствовал: совсем скоро можно будет вздохнуть с облегчением.

Ему действительно пришлось вздохнуть, но скорее с удивлением, когда одним утром он обнаружил, что высыхающее море заменил бассейн. словно воды, мучающиеся прибоем и штормами, наконец, перестали томиться и улеглись в то, что поддавалось хоть какому-то логическому объяснению. Каким образом случилась эта метаморфоза, можно было понять так же успешно, как и все остальное происходившее в спальне Ч.

Он подошел к бассейну вплотную. Зачерпнул воду ладонью. Опустил ногу по голень. По колено. Стянул штаны. Майку. Нырнул. На глубине уперся ногами в вымощенный кафелем пол.

Вот это ему повезло так повезло. Ч. еще долго стоял на дне и улыбался.

Через некоторое время он затеял в квартире ремонт. Переоборудовал спальню, чтобы она выглядела, словно изначально задуманная комната для бассейна. Пришлось повозиться с вытяжками, решить несколько проблем с потолком и выходом на крышу, но Ч. мог позволить себе оплатить это. Консультации лучших специалистов устранили любые проблемы.

Он решил, что бассейн – новый повод для изменения образа жизни. Что маятник, слишком долго задержавшийся на внутреннем и уединенном, нужно снова вернуть во внешнее и всеобщее. С превращением моря в бассейн отпала надобность тащить на себе бремя затворника.

Так он созрел до водной вечеринки у себя. Первой из их череды. И как когда-то давно, его квартиру вновь населили падкие до бесплатных развлечений обитатели Городской тусовки.

Музыка. И еще больше музыки. Неоновые всполохи на лицах.

Вечеринки в бассейне Ч. обрели популярность. Ему даже начали подражать и заводить бассейны в своих квартирах. Его социальный статус значительно вырос. Ч. простили прошлые странности, которые он объяснил лечением затянувшейся болезни, и восприняли его возвращение с воодушевлением.

Медленно, словно луковицу, он очищал себя от образа жизни, который вел в последние годы. Снимал с себя пласт за пластом и наряжался в маскарадные костюмы. Теперь сложности можно было откинуть. Он так долго шел наверх. Так много трудился. Отныне можно отдохнуть. Провалиться в комфорт. И – самое главное – в заслуженное приятие обществом. Море превратило его в парию. Бассейн был нормален. Вот в чем вся соль.

Ч. снова все полюбили. Точнее, сделали вид, что полюбили, он осознавал это и не обманывался. Но был вновь рад видимостям. Ведь чтобы прожить счастливо, надо поддерживать их и хотя бы отчасти в них верить.

Отдыхая от работы и вечеринок, Ч. позволял себе поплавать в бассейне в одиночестве. Он был счастлив, уверял сам себя в такие минуты владелец фотостудии. Его мечты сбылись. Он изжил, наконец, болезни детства, окровавленный Зев Завода, тишину одиноких часов, проведенных наедине с морем. Мог ли он, затравленный мальчишка из провинции, мечтать о подобном?

И все же... все же вновь что-то было не так. Вновь неудовлетворенность наваливалась на него всей устало-

стью мира. Иногда Ч. смутно ощущал, что его обманули. Давали знать о себе шрамы нереализованности. Он ловил себя на мысли, что ради возможности быть принятым убил лучшее в себе, растратил большую часть жизни в погоне за поверхностным и фальшивым, навязанным рекламой, масс-медиа и френдлентами. Личность все-таки погибла в маркетинге. Зыбь бассейна, как ни крути, была мертвой, и Ч. до нестерпимой грусти не хватало штормов океанца. Он, нагрянувший в его жизнь и разворошивший ее, лопнул пузырем и оставил пустоту. Тогда Ч. принял эту пустоту как избавление и поверил в самообман, чтобы не чувствовать себя несчастным. Но владелец фотостудии гнал от себя стаю норвящих укусить взбешенными псами мыслей. И снова радовался нормальности бассейна. Пытался поверить в то, что лучше его жизненный путь сложиться не мог.

Тогда Ч. представлял, какой была бы его судьба, если бы он не сбежал из родного городка: в этой параллельной версии своей жизни он видел себя опустившимся, обрюзгшим, провалившимся в бездействие и подавленную жалость к себе. Но и это не помогало.

На небе раз за разом проявляли луну. Ч. реже рисковал оставаться наедине с мыслями и отдавал себя шумной пестроте многолюдности. В постоянном общении, почти круглосуточном пребывании среди других моря не проклевывались сквозь скорлупу его сознания. И бассейн не казался роскошным гробом.

Одним словом, Ч. был счастлив. Или думал, что счастлив. В ставшем ему давно чужим Городе. Или бывшим таким изначально.